

Александр Михайлович ДЖУС. 1953 г.р.

Александр ДЖУС

...Темная туша самолета-бомбардировщика всей массой давит на бетонные плиты аэродрома. Кажется, те должны спружинить, а затем выбросить эту громаду-крепость в небо. Но ничего не происходит. Мы приближаемся к снимку и видим: перед нами вовсе не железная птица, а масса людей. Фуражки на них, кокарды на фуражках. Сосредоточенность и собранность на лицах. Необычный строй, в котором «летуны» - пилоты, штурманы, бортрадисты – те, «кто учит летать самолеты, кто учит их страх побеждать...» И только те, чья работа проходит вся в воздухе... Это военные летчики, а их работа – всегда преодоление... Такой вот коллективный портрет. «Авиация – это люди», - называет свою фотографию автор, вкладывая сакральный смысл в снимок-символ.

Когда я увидел фотографию на обложке журнала, то стал искать имя автора. Кто, предъявив этот единственный снимок, смог сразу ввести свое имя в ряд тех, которые уже не забыть? Запомнить краткое, как формула, словосочетание - Александр Джус - не составляло труда. Не важно даже, хорош был снимок или нет, какие смыслы вкладывал в него автор и достиг ли он цели. Я понимал, что стоит за созданием снимка. Это прежде всего фанатичная упертость. Сколько было нужно убедить серьезных и не склонных к творческим иллюзиям людей, что намерение фотографа не блажь, не художественная паранойя, а серьезное намерение увековечить достойных людей достойным образом? Такой снимок не мог

Александр ДЖУС. Авиация – это люди. 1988 год.

появиться у человека случайного в фотографии и в авиации. И я не ошибся. В дальнейшем я узнал, что для реализации «идеи»,

фоторепортеру потребовалось несколько лет и 4 попытки. Это только для создания этого конкретного снимка. А сколько времени и усилий было затрачено, чтоб стать «летающим» репортером, да и фотографом вообще? Что ж, заглянем в годы, предшествующие возникновению знаковой фотографии.

- Родился я в Хабаровске, в семье военнослужащего. Мой отец Михаил Тимофеевич служил в полку связи штаба армии авиации, был капитаном.

Капитан Джус. Звучит романтично. Веет чем-то от Грина и Жюль Верна. От каких заморских берегов приплыло это имя?

- Я сам доискивался истоков своего рода. Узнал не слишком много. Когда-то на Украине было целое село Джусов. Бывают села, в которых все семьи носят две-три, а то и одну фамилию. В голодные двадцатые годы почти все село двинулось на восток, в Казахстан. А кто-то добрался и до Забайкалья. Тимофей Джус, дед, ушел работать на прииски. Подробностей не знаю, но назад он так и не вернулся. А дома у моей бабушки оставалось шестеро детей. Отец мой с 1925 года, он не старший и не младший. Было ему тогда лет семь или восемь...

Как трудно приходилось женщине с шестью голодными галчатами, представить не сложно. Но, похоже, она была из тех женщин, что и коня на скаку, и в избу... Освоила не бабью профессию печника, клала печи, кому они требовались, тем и кормила деток...

Подросли ребяташки, к самой войне поспели... Ушел на фронт и Михаил, отец Саши. Дойдя до крайней западной точки, был переброшен на дальний Восток. Дальний пишу с маленькой буквы, поскольку использую слово, что показать удаленность одной точки от другой – Берлина и Японии. Сближало же точки то, что и там и там – война. В одной закончилась, во второй вспыхивала. Хорошо, что последняя, была очень краткой, меньше месяца. Уже 2 сентября 1945 года Япония капитулировала.

Мама и папа, Галина Яковлевна и Михаил Тимофеевич, и сын в школьные годы.

Службу свою отец продолжал в Забайкалье, в Чите. Здесь он и нашел свою казачку Галию, ставшую матерью Александра. Галина Громова из рода сибирский казаков. С какими людьми прошлого можно связать ее имя? Из тех ли ее предки мужичков, что шли на Сибирь с Ермаком, или с Хабаровым, заложившему, кстати, и Читинский острог – Читу, с мангазейскими ли казаками, тобольскими – кто теперь разберет. Да и в этом ли суть? А что характер у тех предков был, не громко выражаясь – целеустремленный, и в потомках еще просматривается...

Саша родился, однако, не в Чите, а в Хабаровске. Семья военного как фургон на колесах. Чита – Хабаровск – Курган – везде дом, везде временный, до следующего зова трубы. Горе застало семью в Кургане. Здесь, в возрасте по нынешним временам скромном – сорока пяти лет, умер отец. Сердце. Матери с пятнадцатилетним сыном пришлось возвращаться в родные стены – в Читу.

У Александра было намерение поддержать мечту отца о военной карьере сына. Продолжатель – это всегда отцу приятно. Правда, сын мечтал не об эмблеме связиста на погоне, а о летном комбинезоне. И непременно истребителя. Это что-то настоящее и большое. На это можно и всю жизнь положить. Но... Сочетание этих двух букв часто меняет наши намерения, а бывает, и всю жизнь. В старших классах у подростка обнаружилась небольшая близорукость. Призыв в армию. Служить можешь, летать – нет. Срочная служба. Связист, как и отец. Выходит, не только произнесенное слово, но и невысказанные желания (отца) – не пустой звук в пространстве.

- Отец, конечно, хотел, чтоб я продолжал его дело, увлекся бы радиолюбительством, но не упорствовал. А мы выбираем свои дороги.

На десятилетие папа подарил сыну фотоаппарат. Это была «Смена-2». «У-у-у!» - только и мог произнести теперь уже мастер фотографии, перебравший, по моим предположениям, половину,

если не все из существующих и существовавших фотоаппаратов. «У-у-у» могло означать круто по отношению к камере и тем временам. Аппарат и сам процесс сотворения снимков настолько прилипли по душе мальчику, что начало своей карьеры он и пометил этой датой.

Но армия штука серьезная. Связист Джус-младший попал служить в ракетные войска. Там не только за наличие фотоаппарата (я уж не говорю о применении), а за произнесение слова «фотография» могли на тебя убедительно и строго посмотреть. Ракетный щит должен быть сам защищен от любой утечки информации о нем, а уж фотографической – тем более. На парадах мы, правда, видели, как тягачи тащат за собой что-то очень большое и грозное. Ну, и довольно об этом...

При первой же возможности, а таковая представилась, когда организовывалась новая воинская часть и там нужны были связисты, Джус попросился в чистое поле, на место будущей дислокации полка связи. Отсюда уже недалек путь был до авиации,

что вскоре и произошло. Авиаторы на фотографию смотрели попроще, что позволяло Александру, по крайней мере, не терять навыков.

Еще в Кургане Саша ходил в школу рабкоров, что была при газете «Советское Зауралье». Но там учили писать, а не снимать. Это было неинтересно. Демобилизовавшись, парень отправился в местную фотостудию, поскольку газетам Читы, а их было три – партийная, комсомольская и военная окружная, услуги молодого энтузиаста не требовались. Бытовое ателье было интересно уже тем, что здесь снимали на цвет. Начало 70-х, когда все это происходило, освоение цветной фотографии для столичных фотографов было давно пройденным этапом. Снимали всюю не только на негатив, но и на диапозитивную пленку – «слайд». Я же цвет осваивал, еще учась в школе. Сохранились и негативы и даже отпечатки школьной поры. Процесс этот в начале 50-х был многоступенчатый. Пленка проходила растворов через пять – проявление, стоп-ванна, отбеливание, стабилизация, фиксирование, а может, я что-то еще и пропустил. И все это с достаточно жестким соблюдением температурного режима. Печать – еще большая морока. Набор одних только корректирующих фильтров занимал огромную коробку – больше тридцати крупных стекол. Делаешь кучу проб и проявок, пока подберешь подходящую гамму цвета. Заберешься ранним вечером в темную комнату, к утру, глядишь, пару цветных «шедевров» и выдашь. В следующую ночь забираться в царство ядовитой химии уже не хочется, а время протянул – и растворы скисли. Снова время и снова деньги. Джус, как и полагается энтузиасту, подходил, насколько я мог понять, к процессу рьяно. Как только появлялась в магазине химия и пленка, а это случалось не чаще раза-двух в год, Александр закупал ее столько, сколько позволял кошелек. В дальнейшем, когда уже стал работать всерьез на цвет, пленкой затаривался в Москве (чемоданами, полагаю), а проявку доверял столичным асам из фотоагентств.

Александр ДЖУС. Олекма. 1979 г.

Но вернемся к читинской бытовой студии. Там были осветительные приборы, то есть возможность поучиться работать со светом, а еще камера – громадный ящик на колесиках. С ней нужно было провести множество манипуляций, чтоб наконец «вылетела птичка». И как ни странно, молодому фотографу это нравилось. Потом он как-то подсчитал: чтоб сделать снимок, работая «Лингофом» - широкоформатной камерой со съемным матовым стеклом, нужно произвести 17 операций. Пока ты возишься с камерой, клиент, ненавязчиво входит в роль. Кого? Самого себя. Успокаивается, уравнивается, собирается внутренне. На него никто не давит – фотограф занят чем-то своим. Здорово! «Мне важно, чтобы человек оставался самим собой». А что это? «Был период, когда мы навязывали клиенту **свое** видение: ты должен быть таким и никаким другим». Любопытно... Интересно, а Наппельбаум навязывал «свое видение» портретируемым? Или это они «навязывали» импозантному фотографу свои значительные индивидуальности, да так, что изображения их становились чуть не иконами. Анри Барбюс или Горький, Блок или Луначарский на снимках мудрого мастера воспринимаются нами как единственно возможные, с которыми мы сравниваем «на похожесть» все остальные изображения этих людей...

Конечно, кроме «ящика», Джус не забывал и про «коробочки». Их много перебивало в его руках: и «Киевы», и разного рода «Любители» - шахтные двухобъективные камеры, и стереокамеры, и какие-то совсем уж экзотические, узкоспециализированные камеры - «Ленинград» с пружинным заводом на 10-12 кадров протяжки. Как-то я увидел толстую книгу «Советские фотоаппараты». Судя по толщине фолианта, описывалось много сотен камер. А в практику, даже малую, едва ли вошло десяток-другой. Сколько из них были знакомы Джусу, не скажу, но что к подбору «инструмента» он всю жизнь будет подходить очень уж серьезно и ответственно, меня удивляет и сейчас.

Александр ДЖУС. Полустанок Волга. 2004 г.

В редакциях местных газет, в которые Александр заглядывал, а иногда и печатался, вакантных мест не было. А желание вырваться из-под крыши ателье на волю росло. И вдруг неожиданное предложение. Мастер, у которого он чинил аппаратуру, обмолвился: «Тут геологам фотограф нужен. Не хочешь в экспедицию?» В тайгу, в пампасы – еще бы не хотеть! Геологическая партия промышляла золото. Романтично, но однообразно: шурфы, промывка, новые шурфы. Искали жилу. А золотоносная жила – иголка в стоге сена. Она и толщиной-то может быть всего в несколько сантиметров. Сезон заканчивался, тоска от монотонного занятия нарастала. И тут повело: из окружной газеты уходил фотограф. Джусу предложили занять место фотокорреспондента газеты «На боевом посту» Забайкальского военного округа. Округ на восток простирался от Иркутска до Благовещенска, а с севера на юг от Ледовитого океана до южных границ Монголии. Территория широкая, а специализация – узкая. Армия – это дисциплина и устав. Ходить строем, думать по уставу. «И утром ото сна восстав – читай внимательно устав!» Без всяких шуток. Другой, может быть, как-то и извернулся, но Джус... Джус, как это будет проявляться и во всех последующих делах, к каждому своему начинанию, к каждой съемке подходил крайне серьезно. Выяснял все, что только можно. Конечно, он находил обоснование своему усердию: попросишь солдат что-нибудь сделать для кадра, а это вылезает за рамки устава. Конфуз. И при съемке, и в редакции. Конечно, в карцер не посадят, но попеняют. «Я сначала не знал ни босвого устава, ни роли взаимодействия родов войск. А должен был обосновать, почему сюда надо добавить одно зенитное орудие, а сюда артиллерийскую установку. Нужно было знать босвые уставы и сухопутных войск, и танкистов и артиллерии. Больше, чем учение батальона в газете не показывали. А когда ты добавляешь некоторые элементы, то может оказаться, что это уже не батальон, а полк...» Существовали и другие ограничения в газете. Солдат и младших командиров можно было снимать сколько угодно, а старшее офицерство про строгой квоте. Когда Саша мне все это

Александр ДЖУС. МИГ-29 в строю. 1986 г.

рассказывал, у меня складывалось впечатление, что вся съемка для военной газеты – это сплошное иллюстрирование устава – как положено, а не так, как оно есть на самом деле.

Окопавшись, Джус стал расширять свой плацдарм. Идут учебные стрельбы. Один танк может бабахнуть и без приказа высшего начальства, а вот несколько враз – уже шалишь. Для окружной газеты достаточно и одного танка. Но ведь хочется, чтобы снимки вырвались и за пределы округа, чтоб их напечатали в Москве, всей стране показали. Здесь нужен масштаб. Тут уже уговаривай полковников, а то и генералов. Снимки Джуса стали появляться в «Красной звезде», журнале «Советский воин», «Правде», Фотохронике ТАСС... Это, кроме творческого удовлетворения, поднимало авторитет репортера в глазах тех же генералов. Кстати, у Александра о большом начальстве сложилось весьма доброе мнение. Тогда среди начальников еще были те, кто воевали в Отечественную. Они способны были брать на себя ответственность за принимаемые решения, и принимали их, если просьба была убедительна. Таков был заместитель командующего Забайкальского ВО по боевой подготовке, генерал Рубинчик. В сорок втором году, когда Александру Рубинчику не было еще и 18, он ушел добровольцем. После ускоренных курсов был направлен на передовую командиром взвода. В бою его взвод уничтожил десять немецких танков. Небывалый подвиг... Он симпатизировал активному репортеру, что-то подсказывал, помогал организовать требуемое. А не будь у фотографов таких союзников, фотография потеряла бы много своих ярких кадров...

- В округе была воздушная армия, но разрешалось снимать по разным соображениям только в одном полку. Я как-то снимал награждение парашютистов, которое проводил заместитель командующего 23-й воздушной армией генерал-майор Игорь Михайлович Дмитриев. Дмитриев был членом совета нашего округа. Улучив момент, обратился к генералу – так мол и так, хочу летать. Понятно, как фотокорреспондент. Он улыбнулся: попозже

 Министерство обороны СССР
**ЗАМЕСТИТЕЛЬ
 ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ВВС**
 по боевой подготовке

№ 2 августа 1954 г.
 № 125
 1 Махов. 3 000
 Внесено в часть 6-030

Фотокорреспонденту журнала "Авиация и космонавтика"
 ДЖУСУ Александру Михайловичу Главкомандующим Военно-
 Воздушными Силами разрешены полеты для воздушных съемок
 на учебно-боевых и многоместных самолетах и вертолетах,
 состоящих на вооружении авиационных частей ВВС и откры-
 тых к опубликованию в печати, в соответствии с его пла-
 ном-заданием.

Основание: Распоряжение ИК ВВС № 125/106
 от 5.03.64 г.

Генерал-полковник авиации

 С. ГОЛУБЕВ

Прошло несколько лет полетов и успешных съемок, прежде чем «нелегал» Джус получил заветную бумагу – индульгенцию на свои проказы в воздухе.

поговорим. И такое разрешение от него получил, хотя, как я понимаю, Дмитриев шел на небольшое отступление от правил. Законное разрешение на мои полеты мог дать только Главком авиации...

«Снимать новичку было позволено только с земли. А это что – взлет, да посадка. Поснимал днем – скучно, однообразно. Решил попробовать, что получится в вечернее время, ночью. Пленку нам выдавали самой низкой чувствительности, штатива у меня тоже не было. Раздобыл приличной пленки – это была А-2, чувствительностью 250-400 единиц. Стал экспериментировать с проявкой, довел чувствительность до 1000-1200 единиц. Когда самолет выходил на посадку, прожектора включались, но освещали не более 400-500 метров полосы из ее 2500. Самолет опускался на самое её начало, потом бежал на двух колесах, затем опускал нос. В результате посадку ночью я снял и очень гордился снимком. Стал снимать взлет. Ночные полеты начинались в 6 вечера. Подряд уходят один за другим 6-7 самолетов. Это еще сумерки, обстановка может читаться, но на взлете самолет не освещается. На зажатых тормозах пилот включает форсаж, из сопла вылетает семиметровое пламя. Тормоза отпускаются – разбег, отрыв. Меня заинтересовала двойная экспозиция: показать и форсаж и огненную дугу за уходящим самолетом. Все получилось, как я и хотел...»

Чтобы взяли репортера в воздух, ему потребовалось изучить первоначальные навыки управления самолетом и попрактиковаться на тренажерах. Нужно было уметь и собой «распорядиться» при случае, если потребует, например, срочно катапультироваться. Кроме этого нужно было совершить два зачетных прыжка с парашютом. Но на это летуны махнули рукой: «Иди, так запишем».

И вот первый вылет на боевом самолете – спарке. Какие это вызывает чувства у обычного репортера – не знаю, не испытывал, но для Джуса это могло приравняться к крещению, материализовалась его мечта летать. Первый вылет состоялся на аэродроме Укурей, в сумерках, при минимуме погоды. Боевой летчик шел к такому самостоятельному полету 5-6 лет.

Александр ДЖУС. МиГ-29, петля. 1986 г.

Александр ДЖУС. Атака МиГ-29. 1985 год.

- Мне хотелось снять истребитель МИГ-25 на закате, на высоте 9 тысяч метров. По тем временам это была очень хороший самолет. На нем было поставлено более двадцати мировых рекордов. А сам самолет предназначался для перехвата высотных скоростных целей. Выруливаем на полосу. Взлет. Перед нами идет машина, которую будем фотографировать. Высота 1200 метров. Команда снизу: «Разрешаю разворот». И вот тут начинается. Крен у истребителя создается очень быстро. Поворот ручки – и ты уже на боку. Первая мысль – выпадать. А куда? Фонарь, ты пристегнут. Руководитель полетов дает разрешение набора 9000. Это тоже просто: ручку на себя, форсаж. От того, что все происходит быстро и резко, страшновато. Набрали высоту, пристроились к ведущему. Снял его в горизонтальном полете – скучно. «А давай его снимем на вираже!» - «Давай!» На земле самолет курица курицей, а на контрольном солнышке – ракета! Отсняли. Топлива остается чуть-чуть. Спуск. Резкий. Чем ниже, тем чернее и чернее. Полосу увидели примерно на двухстах метрах. Сели...

Не помню уже, где и когда я увидел кадры, очень похожие на те, что привожу на этих страницах. А может, это те самые кадры и есть? Тогда память не схватила имени автора. Самолеты «кувыркаются», самолеты «резвятся», самолеты «дурачатся». Вот идут две машины, одна над другой. Верхняя кверху ногами. Такой полет называется «голова к голове». Вопросы, которые «решал» еще Валерий Чкалов, нарушая и уставы, и правила полетов, отсиживая «воздушное хулиганство» по гауптвахтам, доказали свое право на жизнь еще во время Великой Отечественной войны. Боевое искусство летчиков – это умение маневрировать машиной, выходить из критических положений самому, загоняя противника в «критическое положение». Что изменилось со временем? Разве только то, что машины стали более мощными и более скоростными. Любой маневр на таком самолете – это стремительное возрастание нагрузок на организм. Самолеты кувыркаются – значит, и ты кувыркаешься. «Когда разворачивается звено,- втолковывает мне репортер, - в самолете поворачивающему по малому радиусу,

возникает перегрузка в 3G, идущему по большому радиусу в 5G, в третьем от центра – 7G». – «Ты лстал в третьем?» - «Бывало». Судорожно вспоминаю что-то о космонавтах, о летчиках, о перегрузках вообще. При 3G, кажется, ослабляется периферийное зрение, при 5G могут наступить моменты слепоты, при 7G – отключение сознания. Такое случалось с боевыми летчиками при выходе из пике, и бывало, они гибли. Вес твой увеличивается в 7 раз, кровь тяжела как ртуть. К тому же эта «ртуть» либо почти полностью отливает от головы, либо наоборот приливает к ней, грозя взорвать все сосуды. В такие моменты не только камеру поднять невозможно, не только руку, но и палец приподнять. «Иногда я крепил камеру перед пилотом, там, где прицел. А снимал не глядя, дистанционно управляя ей со своего места». Вспоминаю увиденные когда-то по телевизору кадры. Снял их, видимо, видеорегистратор, установленный перед летчиком. В секунду лицо превращается в маску. Мягкие ткани то уходят резко вниз, то назад, и в каждом случае резко читаются очертания черепа. Жуть! Сколько тут G – три, пять, семь? «Ну вообще-то летчики испытывают перегрузки и большие. Пожалуй, посмеются, что при 7G кто-то теряет сознание...»

- А сам ты мог управлять самолетом?! Скоростным, боевым?!

- Я просто обязан был уметь, иначе бы не попал на борт.

- И управлял?

- Немного. Подводил, например, самолет к посадке. Но саму посадку осуществлял, конечно, не я...

Вот пара снимков, сделанных «дистанционно». Сняли стоящий перед пилотом прицел, закрепив вместо него камеру. Джус протянул от камеры к своему «штатному» месту проводки. «Эх, небрежно сделал – вон они видны в кадре...» Камера с автопротяжкой пленки. Нажал на спуск и пулемет заработал. Чего уж он там снимает, можно только догадываться. На камере сверхширокоугольник – «рыбий глаз». Во-первых, нужно, что все было резко от полуметра до бесконечности, фокусировка на какую-

Александр ДЖУС. МиГ-23. На «петле». 1983 г.

Александр ДЖУС. МиГ-23. Бочка. 1983 г.

то промежуточную точку. Если зажать диафрагму до предела – все окажется в фокусе. Второе – необходимо, чтоб в кадр влезло то, что

надо. Полет не обычный, а в составе пилотажной группы. И «кувыркаться» будут все вместе самолеты – весь строй.

- Для каждого пилота высший позор – не удержаться в строю. Задача у звена выполнить «петлю» и «бочку». Скорость ввода на петлю 750 километров, на выходе больше тысячи. Штатная перегрузка здесь 5-7 G. Пилота сильно вдавливают в кресло, а ему нужно еще и видеть в зеркале ведомых. Задача усложняется тем, что если ведомые идут на обычном интервале в три(?) метра, они выпадают из кадра. Значит они должны больше прижаться друг к другу и ведущему. Команды все приняты, я включаю съемку. Пленка отстреляна, посадка. Для перезарядки пленки. Новая пленка, новая петля. Снова посадка. Из двух пленок я смог отобрать кадры три. Теперь заход на «бочку». Бочка – это 360 градусов вокруг оси самолета для ведущего. А у ведомых кроме бочки нужно еще выполнить и «ложку» и «кадушку». Это означает, что их машины должны не только совершить вращение вокруг собственной оси, но и по радиусу вокруг оси ведущего. А моя просьба прежняя – дистанцию и интервал сократить до минимума...

Когда я все это услышал, понял, для пилота страшнее фоторепортера на борту зверя нет. Ради кадра тот готов спровоцировать, мягко говоря, нештатную ситуацию, а говоря более определенно – катастрофу. Слава богу, этого не случилось. Но идти на нарушение тех или иных правил полета ради достойного кадра приходилось почти каждый раз. Вот теперь мы, читатели, можем серьезнее оценить каждую изящную картинку, снятую в воздухе. Сквозь эту легкость, почти игривость, просматривается тот «череп», который запрятан внутри фотографии.

Теперь совсем пустячки, мелочи, мешающие добиться фотографу блеска и звонкости снимка. Вести съемку приходится только через блистеры. Многосантиметровое оргстекло мало того, что не идеально прозрачно, оно еще и поцарапано, оно же, несчастное, имеет еще и свою оптическую плотность. Когда

После
очередного
вылета.

Разбор полетов
или байки
бывалых?

снимаешь широкоугольником, да строго по перпендикуляру к его плоскости – все нормально. Но если объектив чуть длиннее штатного – «полтинника» - картинка плавает. Значит, если хочешь снять покрупнее идущую параллельно машину, допустим, в кадр, нужно попросить «прижаться» к ней поближе. А это отступление от стандартного полета. В общем-то, криминал. Ладно, пилоты парни славные и рискованные, понимают фотографа. Хотя, наверное, где-то фиксируется это отступление от устава.

А как снять простейший кадр – самолет, летящий на тебя в лоб? Ну, наверное, с хвоста впереди летящего? Но на том хвосте совсем не предусмотрено для фотографа места. Тогда нужно выполнить маневр: обогнать, подняться, повернуться, словом, изловчиться так, чтоб с полубока, с полувыверта зацепить желаемый кадр. Цирк? Что-то вроде... А чего хотеть от человека, который и летал-то... незаконно. Мы уже совсем забыли, что законное разрешение на полеты мог дать только Главком авиации. Пусть имя воздушного фотографа было известно «в кругах» и за кругами. Пусть он уже работал в журнале «Авиация и космонавтика», а летал-то на... фу-фу. И Джус решил себя «узаконить». Риск был 50 на 50. Хотя летал и «незаконно» (разрешение не того уровня), но так могло продолжаться до бесконечности. А обратиться выше, глядишь, и вообще обрежут полеты.

На одном из учений Главком и фоторепортер оказались в зоне прямой видимости. Простодушный Джус, ничтоже сумняшась, обратился к маршалу, как к доброму знакомому по имени-отчеству: «Павел Степанович...» Тот ответил тоже по родственному: «Давай не сейчас, зайдешь как-нибудь ко мне в кабинет». Большие люди, они ведь, радушные и... «наивные». На то, чтоб попасть в кабинет к заместителю министра обороны Главкому авиации маршалу Кутахову, у Джуса ушел год. При том, что он изловчался не хуже, чем при съемке полетов.

Пока этот год пройдет, продолжу рассказ о приключениях Джуса в фотографических историях. Одна из историй – съемка

босового применения. Чтоб не путаться в мелочах, это такая кампания, когда все стреляют и всех много. Добиться права присутствовать и снимать Джусу, разумеется, потребовало тоже бесконечное количество согласований и увещаний.

- Полигонов, где производились стрельбы было два. На одном отрабатывались приемы защиты, на другом атаки – нападения. Стреляли по мишеням. Это такая очень маневренная штука размером примерно с квартиру. По сути мишень – это радиоуправляемый самолет. Его нужно обнаружить и обезвредить. На выполнение всей задачи давалось 5-8 минут. В твоём квадрате появляется цель, тебя начинают на нее наводить. Но как только ты ее нашел и захватил, она начинает маневрировать. Когда цель идет выше, чем ты, начинаешь полупетлю и из положения самолета, идущего вверх, стреляешь по мишени. Прием называется «муха». Мне хотелось снять сбитую мишень. Удалось мне это сделать только на третьем боевом вылете.

Сложность выполнения этой задачи фотографа очевидна. А как снять самое «простое» - ракетный удар, который производит самолет? Один из военных корреспондентов отмечал: можно сто раз снимать выстрел из пушки и ни разу самого выстрела не поймать. У Джуса, идущего параллельным курсом, есть связь с машиной, которая и ударит ракетами. Стреляющий произнесет «Пуск!» и перед нажатием кнопки отсчитает «Раз-два-три». Джус уже на «раз» нажмет свою кнопку. Пленка побежит со скоростью 5 кадров в секунду (а хорошо бы тридцать, даже больше! – сейчас такие камеры есть), может, пуск где-нибудь и поймает. Все происходит молниеносно. Хотя, почему молниеносно? Ракета сначала выпадает горизонтально, а потом уж зафугует, подпалив свой хвост... Вот этот момент и нужен – как только она подпалит свой хвост. А это сотые доли секунды.

- Когда я летал на пуск «дозвуковых» ракет, я мог найти 5-6 кадров с «пойманной» ракетой. Со съемки сверхзвуковых я не привез даже одного кадра.

Александр ДЖУС. СУ-27 на вираже. Летно-испытательный институт. 1990 г.

**Александр ДЖУС. Пуск ракет «воздух-воздух» на полигоне.
1986 г.**

Но были случаи, когда пробивать и доказывать, чтобы попасть на съемку, ничего не нужно было. Тебе предлагалась и тема, и возможность. Как-то в присмной у Главкома, фотографа Джуса представили генералу: вот его снимки, вы иногда встречаете их там-то и там-то. Генерал, а это был командующий армии стратегической авиации Дейнекин, спросил: «А что ж вы нас-то не освещаете?» - «Не приглашают». – «Я вас приглашаю».

Стратегическая авиация – это дальние полеты в нейтральные воды, да и к чужим берегам. Длится такой полет сутки, а то и больше. Вылетают самолеты парами: если с одним что-то случится неведомо где, то второй сможет хотя бы сообщить координаты катастрофы. А это очень важно по многим соображениям. А для фотографа пара важна: есть что снимать за бортом. В пути планируются дозаправки. Это тоже надо видеть, а желательно и снять.

Сначала транспортный самолет довез из Москвы до аэродрома базирования. Там пересадка в самолеты, уходящие «за угол», то есть в этот многотысячкилометровый полет над нейтральными водами. Полет «за угол» может длиться полтора суток. Сменного экипажа нет, как нет и места для отдыха уставшего. Словом, все как во времена Чкалова, с той лишь разницей, что полет идет не обязательно через полюс... Железная крепость монотонно гудит. Час-другой еще ничего, можно не обращать внимания. Но слушать 10, 20 часов – действует угнетающе. Мне лишь раз пришлось лететь на военном транспорте. На нем репортеров отправили в Москву из Узбекистана, где мы встречали вывод наших войск из Афганистана. Внутренность железного брюха чем только не завалена. Понятно, не предусмотрено мест для лежания, но и для сидения маловато. Кто где приткнулся – и ладно. Лететь не долго, 5 часов. А захочется пи-пи, или а-а – вот тебе железная емкость из-под масла. Зато у всех на виду...

- В Семипалатинске готовы к вылету два самолета ТУ-95 (гражданский вариант ТУ-114). Взлетели. Сижу на парашюте

(правда, говорят, не было еще случая, чтоб при аварии хоть кто-то из экипажа покинул самолет, поэтому авария – всегда катастрофа). Летим, летим, летим. От гула тупеешь. В иллюминаторе одно и то же. Единственная забава у пилотов, то подойти поближе друг к другу, то разойтись. Положенная дистанция и интервал – 1 x 2 километра. Если машины идут друг над другом – 300 метров. В назначенном квадрате будем производить дозаправку. Летчики операцию эту называют «рандеву». Задача: обнаружить в названном квадрате танкер, догнать его (тот идет с постоянной скоростью 650 километров в час). Танкер в нужный момент выбросит «соску». Это стыковочный узел весом тонны в полторы, болтающийся на шланге в 75 метров. У американцев длина шланга всего 15. Узел стоит ровно, не шелохнется. Наш же все время водит по дуге. Надо умудриться попасть приемной штангой нашего самолета в этот узел. Вес самолета двести тонн. Попробуй маневрировать такой массой, чтобы попасть в точку. Несмотря на гидроусилители, на командира ложится громадная физическая нагрузка. С третьей попытки попадаем. Топливо пошло. Когда пилот ведет переговоры с танкером, по внутренней связи ничего не слышно. Пытаюсь лишь догадываться, что происходит. Точки для моего обзора нет. Перед летчиками щель обзора тоже не очень велика. Прижимаясь то к командиру корабля, то к штурману пытаюсь что-то снять...

В общем-то Джус с задачей справился, снял, что хотелось. Но про себя решил: по духу я истребитель, для дальней авиации нужен иной психологический настрой...

А тем временем... Параллельное действие, как в романах. Тем временем Джусу удалось приблизиться, если не к Главкому авиации, то к его заместителю по боевой подготовке генералу Голубеву. К встрече подготовился, подобрал папочку своих козырных работ, разложил на столе. «И чьи же это творения?» - хмыкнул генерал. «Мои». – «Да ты ж, братец, летаешь незаконно». – «Незаконно, - глаза в пол, а потом снова на генерала, - помогите...» Генерал не матюгнулся, не пригрозил всеми карами, а

Александр Джус. Дозаправка СУ-27 (вверху).

Александр Джус. Дозаправка в воздухе ТУ-95, танкер ИЛ-78 (слева) и СУ-27.

Александр Джус. Танкер М-3 заправляет ТУ-95. 80-е годы.

просто взял ручку и написал письмо-просьбу на имя Главкома. Тот подписал. Джус стал воздушным фотографом «в законе».

Как-то Карл Маркс обмолвился: «Идея становится материальной силой, когда она овладевает массами». Не думаю, что это соображение Джус держал в голове, когда в его «массу» вошла идея построить самолет из людей. Тоже идея! – чушь какая-то. Офтальмологов может тоже выстроить в форме глаза, а овощеводов в виде редиски? У художников куда как проще. Приснилась Сальвадору Дали какая-нибудь абракадабра, прыгнул, проснувшись, прямо в ночном колпаке к мольберту, поплюнил краской кисточки – и вот тебе ахи и охи на выставке – гений (хотя и не без привета)! Но фотографу, чтобы осуществить бредовую идею, нужно «обломать» кучу людей, заставить их поверить в нее так же, как веришь и сам. Словом, идея должна овладеть массами (хотя бы в том объеме, которые необходимы для снимка). Ко мне тоже как-то пришла «идея». Я много крутился в цирке Никулина, облазил его сверху до низу. На самом верху, я обнаружил люк. Арена с него смотрится как тарелка. Идея возникла такая. Выложить на тарелке белой тканью автограф Никулина, а участников представления разложить по ней, как роспись по тарелке. Юрий Владимирович отнесся к идее кисло: как заставишь участников спектакля задержаться на лишние полчаса? Не получится... Сейчас-то я понимаю, скорее всего директор-клоун уходил от «нескромности» - арена, громадная его роспись. Для меня же это был фотографический подарок к 75-летию артиста. И я горел, и я дымился... Получив отказ от отца, побскал к сыну. Максим уже тогда занимал должность заместителя директора цирка. «Да не вопрос! – понял он меня. – Когда?» - «Завтра». Все было сработано минут за 30-40.

Идея Джуса вываривалась в течении нескольких лет, и осуществлена была только с четвертой попытки.

- Мне хотелось фотографически выразить мысль, что авиация – это прежде всего люди. Решил показать этих людей в

Александр ДЖУС. Спортивная акробатика. Су-31. 2007 г.
Александр ДЖУС. Тракайский замок. 1987 г.

необычном строю – самолет. Первая попытка была в Кубинке в 1985 году. Подогнали МИГ-29, очертили по контуру. Пригласили летный состав – мне хотелось, чтоб на фотографии были только те, чья работа проходит полностью в воздухе. Это пилоты, штурманы, бортрадисты. Но людей хватило, чтоб только очертить контур. 86-й год был для меня провальным. Выруливал на взлет вертолет. Чтоб его пропустить, я отошел к краю полосы, не заметив заметенного льда. Поскользнулся, и, спасая камеры, упал так неловко, что порвал на ноге связки. Пока лечился о полетах не могло быть и речи. Но как только я вернулся «в строй», я предпринял новую попытку построить свой самолет. Это было близ Иркутска, в Белой. Там стоял полк дальней авиации ТУ-22. Людей нехватило снова. Попробовал в Семипалатинске, где базировалась двухполковая дивизия – мало народу. Как-то по совершенно иным делам прилетел в Узин, на Украине под Белой церковью. Там базировалась уже трехполковая дивизия. «Давайте попробуем», - попросил я. Мне пошли навстречу. Снова выкатили самолет, ТУ-95, очертили контур, построили ребят, я сделал снимок. В ту командировку не взял с собой широкой камеры, пришлось обходиться узкой... На снимке только те, кто летает. Поставь я и нелетающих, наземное обслуживание, для снимка это бы никакого значения не имело. Но мне было бы неловко перед летчиками...

Такая шепетильность ставит меня в тупик. Оправдана ли она – сепарация, да и нужна ли вообще со всех точек зрения? Но для Джуса такой вопрос и не стоит.

Исключителен ли случай этой съемки? Отчасти – да. Далеко не каждому приходит в голову убежденность, что надо придумать, а потом сотворить нечто, не существующее в реальности. Разве не достаточно того, что предлагает сама жизнь, обстоятельства, разворачивающиеся сами собой? Вполне. Но у всех моих героев, этой и предыдущих книг, занявших в фотографии заметные места, есть одна общая черта, которую можно обрисовать как неусмность, упорство, неудовлетворенность уже совершенным, стремлением вырваться за пределы привычного, фантазировать, а в результате

Александр ДЖУС. Вера.

80-е годы.

найти, хоть и несознательно, свое собственное место на этой планете Фотография. А в основе всего лежит одно – радость, получаемая от процесса творить, выдумывать, искать. Найти образ, метафору в фотографии, которая еще не употреблялась. «Самолет» Джуса тяготеет к тому ряду метафор, в котором стоят «Чайковский» Дм. Бальтерманца, его же «Горе» и «Поединок» Вс. Тарасевича...

Говорят, чтоб узнать человека, нужно с ним съесть то ли собаку, то ли пуд соли. Если на это, конечно, есть время. Если такового недостаточно, то можно послушать человека, отведавшего вышеозначенное меню. Я получил звуковое письмо от Веры, очно с которой познакомился на совместной фотовыставке Александра и Веры, проходившей в выставочном зале Кремля Коломны, а заочно, по телефону я уже бывало беседовал с ней. В письме жена Джуса сказала, что 40 лет супружеской жизни, дают ей кой-какое право представить свое видение супруга. А знает его с того момента, как Джус вернулся из армии. В Чите не было фотоклуба, но был клуб кинолюбителей. Туда со своими снимками и направился Александр: фото и кино – это же близко. А Вера в то время, работая корреспондентом местного радио, увлекалась созданием фильмов. Думали ли она, что ее собственная жизненная «фильма» начнет раскручиваться с первого же кадра. «Увидела Сашку молодого – просто мальчишку: высокого, интересного, очень интеллигентного на вид, в хорошо отглаженных летних брюках». Саша показал снимки, поговорили, попрощались. На другой день Александр появился в клубе снова. В руках он держал букет георгинов... Чему же удивляться, что через год красавица «выскочила» замуж. Выскочила в буквальном смысле. Увидев за окном знакомую фигуру с букетом хризантем (несмотря на ноябрь), Вера, накинув пальто, выскочила, успев только и крикнуть своим коллегам: «Я выхожу замуж!»

- У меня и Саши отцы военные. Я росла в гарнизонах...

В гарнизонах, где женщины в таком меньшинстве, что каждая смотрится не иначе, как цветок, они и должны на себя глядеть как на украшение. И вправе ждать соответствующего

обхождения. Саша, видимо, оправдал ожидания, и за сорок лет не растерял нежных слов обращения к жене. Думаю, дружелюбная обстановка в семьях родителей, перетекла и в новую семью. Мама у Саши была заведующей художественной литературы в книжном магазине. Популярность книги тех времен, сейчас даже невозможно представить. Хорошую новинку было не просто достать. Но если на всю Читу приходило пять экземпляров «Мастера и Маргариты» М.Булгакова - один из них появлялся и дома. Также и Ахматова, и Цветаева... Оказалось, молодые оба любят поэзию. Читают не только по книге, но и длинные куски наизусть, один другому передавая слово... «Да Саша и сам писал стихи, нашла как-то его тетрадку...» Считать ли это совпадением, или Джус сам вышел на книгу, но издательство «Планета» предлагает ему съемку альбома «Памятное навсегда» - альбома-воспоминания об Анне Андреевне Ахматовой. «Мы перечитали все доступное о ней, отмечали места, где она бывала. И юг, где она родилась, и Тверь, и Питер. А Саша по этим местам ездил...»

- В Питере я прожил примерно год. Мне нужно было показать Санкт-Петербург – Петроград – Ленинград. У Ахматовой в этом городе были любимые места. И были места, которые у нее упоминались в мемуарах, встречались в стихах. В кармане я носил томик ее стихотворений. У нее много любовной лирики, нужны снимки ассоциативные. Это интересно, но не сразу видишь – как же это снять. Анна Андреевна часто ходила в Никольский морской собор, там же ее в нижнем храме и отпевали. Я пришел, поговорил с бабушкой. Отнесся он к моей просьбе благосклонно... Тогда ко мне пришла мысль сделать небольшую карманную книжечку «Храмы Санкт-Петербурга». Было их тогда немного – 18-20. Митрополитом служил Алексей II. Он благословил съемку. Я отснял все: и иконы, и святыни, и даже храмы с воздуха. Разрешение на съемку города от Генштаба у меня было. А полеты я «покупал»: рядом с Питером был вертолетный аэродром. Начинались 90-е годы со всей их неразберихой. Каждый, чтоб выжить, должен был искать заработка

Александр и Вера ДЖУС. Планета Москва. 1992 г.

**Александр и Вера ДЖУС. Кремлевская стена.
Варварка (стр. 120). 1991 г.**

сам. Я договаривался с вертолетчиками на час, иногда на полчаса съемки, оплачивал полет из своих денег и летел...

Вертолетный час в то время стоил рублей восьмьсот. За снимок в альбоме, помню, платили двадцать рублей. При всех вариантах – затея проигрышная, если говорить о деньгах. Но при чем тут деньги, если просит душа. «Саша из тех, - звучат верины слова, - кто стремиться к призрачной цели... Может, я и не права...» Тут следует добавить: ни книга об Ахматовой, ни путеводитель так и не вышли в свет. Издательства боролись за выживание, но шли ко дну одно за другим...

Но Ахматова сыграла свою роль в судьбе Джуса. Не она ли привела его в храм? Он проникся уважением к митрополиту, а затем и Патриарху Алексию II, долгое время его снимал. «Благодаря этому человеку я пришел к вере...»

Будучи нерелигиозным, не мне бы рассуждать о том, как и почему человек приходит за помощью к Богу. А почему бы и нет? Ведь, слышал, этот путь никому не заказан. Одни, по моим догадкам, приходят к Богу, чтобы облегчить свою земную ношу. Когда деваться некуда, куда ж еще и идти? Другие, чтоб постичь сущность бытия, а более того своего духовного стержня. Третьи – охватить всю глубину мироздания. Не разумом охватить, но душой... И каждый по своему прав, идя той тропкою, которую избрал. И троп этих бесчисленное множество...

Джус, отсняв в военной авиации то, что ему и было интересно, пришел к выводу: если чего-то очень захочешь – добиться можно. Теперь ему захотелось увидеть Москву с птичьего полета.

Столицу с воздуха снимали нечасто. Получить такое разрешение было делом хлопотным, да и почти всегда разовым – на полет, другой. Репортеров пять или шесть показывали столицу сверху. Запомнил Рахманова с его «ночной галактикой» (см. главу о Рахманове в книге 2-ой), Стешанов снимал Кремль для «Известий» во времена всемогущего Аджубея. Песков, когда готовил 50 портретов Родины с высоты птичьего полета. Остальные

съемки вылетели из памяти. И вот Джус. Мы съехали в Коломну, а Саша демонстрировал мне уникальный альбом: Москва, и всё только сверху. Вот Кремль, его треугольник, вписанный в узнаваемые очертания центра, а вот и вся Москва в одном кадре. С высоты два километра «рыбий глаз» объёмлет ее всю. «Планета Москва». Похоже. Рыбий глаз настолько кривит горизонт, то, что ни сниму – все становится «планетой». Забавно: вся Москва поместилась в одном кадре. Выходит, не так уж она и бескрайняя. Но тут уж без «мелкоскопа» не разобрать где и что. Альбом не простой: то там, то здесь распахиваются створки, когда картина достойна большего внимания, чем это может предоставить разворот. Саша аккуратно свернул книжицу и спрятал в дорожную суму. Книгой надо дорожить: она у него в единственном экземпляре (а если и в двух, то это большой секрет). И нет шансов, что альбом когда-нибудь будет издан снова.

Рассмотрим историю книги более подробно. Получить разрешение на длительную съемку Москвы с воздуха помогала Книжная палата, она собиралась и издать альбом. Сначала нужно было получить разрешение военного отдела ЦК – шел 1988 год, без воли ЦК ничего не случалось. Потом нужно было получить одобрение Рыжкова – Председателя Совета Министров СССР. После этого – согласия Генштаба, КГБ, МВД. Согласования требовали и времени, и упорства. Но этим Джуса, захваченного идеей, было не смутить. Это формальная сторона вопроса. Но вставала и материальная – кто и за какие красивые глазки будет возить репортера? Откупить вертолет, как это могло быть сделано в Нью-Йорке или в Париже, в Москве не проходило. Да у палаты и быть не могло ни денег таких, ни статьи расходов. Оставалось уповать на милость тех, имел возможность летать над городом. К счастью, такие организации находились, а в них люди, «входившие в положение». Летали вместе с Верой, снимали в четыре руки. «Москва интересна сверху в пределах бульварного кольца, - отмечал Джус, - все остальное можно сразу в корзину...» А МГУ на Ленинских горах? – не смотрится. А Новодевичий монастырь?

**Александр и Вера ДЖУС. Петровский путевой дворец.
Мемориал на Поклонной горе (слева). 1993 г .**

Александр и Вера ДЖУС. Соборы Кремля. 1991 г.

Там, где в 90-е годы был вновь построен Храм Христа Спасителя, несколько десятилетий была «дыра» - открытый бассейн Москва. Купаться на свежем воздухе можно было даже в самые лютые морозы. Но бассейн создавал такую влажность, что грозил сохранности экспонатов Изобразительного музея им. Пушкина. Джус долго летал над столицей. Успел запечатлеть и бассейн и воссозданный храм.

Архитектурные комплексы столицы и пригородов – Коломенское, Архангельское, Царицино? Репортер хватил, конечно, с горяча. Хотя в целом он прав: почти в любом городе интересен лишь исторический центр. Спальные районы и в Лондоне, и в Париже, тоже не стоят того, чтоб их разглядывать. Съёмку можно было завершать. Но затраченное на работу время сыграло коварную шутку. Страна развалилась, а все ее институты пошли трещинами. Изменились возможности и книжной палаты: издать книгу она была уже не в состоянии. Надо было искать людей, которые бы могли, а главное хотели б это сделать. «Было семь договоров с разными людьми, но все в конце концов заканчивались отказом от выпуска. Помогла Людмила Ивановна Шевцова, бывшая в то время заместителем мэра Москвы. Ознакомившись с макетом, она передала его в издательский отдел мэрии с резолюцией «Издать!»

Авторы придумали оригинальный макет с «раскладушками»: разворачивая сгибы, мы увеличивали площадь разворота, достигая большого эффекта от панорам (и горизонтальных, и вертикальных). Но на сгибах краска иногда осыпается. Нужно было подобрать подходящую пару краска-бумага. Искали и подходящую типографию, а они тоже переживали переходный период, то есть по старому делать уже не могли, а по новому еще не могли. Наконец, заказчики, (теперь это была мэрия), вносили свои предложения и «стопорения». А тут заметили: страна изменила свои флаги, а на снимках символы Советского Союза – не ко времени. Но не мытьем, так катанием ограниченный тираж – 500 экземпляров – все-таки вышел. Но чем меньше тираж, тем выше себестоимость экземпляра. А если добавить к этому и ручную сборку каждой книжки, то она стала просто золотой... А говоря проще, кроме убытков ничего не принесла... Можно бы и не останавливаться столь подробно на злоключениях, если бы эта история, была исключением из правил. Увы, черная полоса только еще началась...

Джус мечтал об альбоме об авиации. К юбилею летчика «Планета» готовила альбом «Валерий Чкалов». Саша предложил сделать главку о современных летчиках - продолжателях его дела. И занялся съемкой пилотажных групп. Это те виртуозы летного дела, кто всем строем выполняют сложные фигуры и перестроения. «Иногда мне удавалось поднять одновременно девять самолетов!» Наконец, съемка готова, альбом будет – вот его благодарность летчикам. Но идея и с этим альбомом стала буксовать – страна переживала «аритмический кризис». Издательство «Планета» решило: пусть это будет альбом просто о современной авиации, а издадим и напечатаем его в Англии. Куда уж лучше! Машина завертелась, но то ли издательские «жучки» постарались, то ли капиталисты облапошили, только автору объявили: ни прав на материал у него больше нет, ни денег за съемку он не получит, дескать, все буржуи себе забрали. Забрали и выпустили альбом, причем на шести языках. Будто бы на Франкфуртской книжной ярмарке фотоальбом

Александр ДЖУС. Барса-Гельмес. Туркменистан. 2001 год.

**Александр ДЖУС. Старейшина по-туркменски – айшули.
1999 г.**

Александр ДЖУС. Китай – Великий шелковый путь. 2013 г.
Александр ДЖУС. Древняя Маргиана. 1999 г.

Александр ДЖУС. Автопортрет на фоне пустыни. 1998 г.

«Крылья» заметили и даже наградили. Автору же всей корысти было, что прислали пару экземпляров на память...

Ещё во время своей работы в окружной газете Джус «открыл» Монголию. Там находился значительный контингент советских войск: время конфронтации с Китаем еще не закончилось. Хотя тучи «не ходили хмуро», но осторожность не мешала. Части, стоявшие в Монголии, относились к Забайкальскому ВО, Джусу случалось прилетать в суровые степи. Сначала ровное пространство угнетало его своим однообразием. Потом начал привыкать. Оказалось, что там есть и горы, и леса, и реки. И гоби. «Гоби – это просто пустыня по-монгольски, а не только имя самой огромной из них. Поднимется ветер – вздымаются тучи пыли, мелкие камни летят... Подъезжаешь к жилию: три-четыре юрты среди степи, тырло – загородка для скота. А на колыях сидят орлы, как у нас курицы...» Такого в забайкальской тайге видеть не приходилось, открывался совершенно иной мир. И этот мир стал увлекать романтического фантазера. А где начинается полет фантазии, там недалеко и до влюбленности. Джуса заворожили не только пейзажи, не только природа сурового континентального края, где морозы и жара в отдельных местах могут уходить за плюс и за минус сорок, но и уклад древнего народа. Поразили его виды состязаний, которые устраиваются на торжественных празднествах. Их всего три: борьба, скачки на лошадях и стрельба из лука. Но в скачках на огромную дистанцию в сорок пять километров участвуют всадники в возрасте от... пяти до двенадцати лет. «Всадник учится управлять конем, договориться с ним, учиться выносливости». - «Это же дети! – воскликнул я. – А что же взрослые?..» Джус усмехнулся, и я понял: им это не пристало. Они уже доказали себя мужчинами... Не сомневаюсь, Джус сразу же погрузился в книжки, «раскапывая» и Монголию, и Азию. За Монголию он получил приз на одной из международных выставок. А Азия буквально сшибла его с ног, когда он попал в Самарканд и увидел шедевры средневековой архитектуры...

Но снимать ему предстояло альбом об Арале, его трагедии. Опять же «Планета», опять же «погружение с головой» в материал, и опять же... все вхолостую. И этот альбом не вышел. Но свос наверстал Джус в Туркменистане. Он уже работал в «Огоньке», печатался обильно: из номера в номер шли его материалы и о «звездах», и о всем-всем-всем, включая петушинные бои. Его послали снимать номер, посвященный Туркменистану. И других посылали, и меня, например, в одну из бывших Союзных. Ну «поколотился» в командировке две-три недели – и привет. Все забыто до следующего раза. Но Джус не таков. На этот раз он занырнул с головой и очень серьезно. Каким-то образом совпали интересы Джуса и пожелания Туркмен-баши, у Джуса возник рой мыслей и предложений по альбомам о Туркмении. Туркмен-баши, вероятно, кивнул головой или сделал знак пальцем. Машина закрутилась, и Джус, взяв «академический отпуск» на два или три года в «Огоньке», ушел на временные хлеба, которые хоть в этот раз не оказались лишь призраками. Альбомы «Страна Туркменбаши», «Ашхабад» и «Туркменистан. 10 лет независимости», вполне оправдали затраченные на них энергию и время. А Джус, наконец, вдохнул в себя Азию полной грудью.

Александр и Вера объездили много стран, Путешествовали по Китаю, Таиланду, Черногории... И возвращались не без фотографических трофеев. Но главной темой оставалась Россия – ее просторы с «птичьего полета», ее деревушки храмы, тонущие в туманах и прихорашивающиеся снегами... Утро, солнце едва подпаливает горизонт, зябко, но здорово!.. Ты, может, единственный на свете, кто видит эту сказку. Вот на фотобумаге из тумана проявляется ворона, сидящая на изгороди. Вытаскивай эту бумагу из проявителя, фиксируй, а не то секунды – и сказка кончится: все станет обыденно, сухо, привычно. А вот храм выплывает, брызнули лучи, и вознеслось белое чудо над землей... Множество из его пейзажей я легко представлял на лакированной глади палехских шкатулок – желтые листья на водной поверхности, деревенские улицы в первых лучах, чудо-остров Псковского

Александр Джус. Октябрьское утро. Плес на Волге.

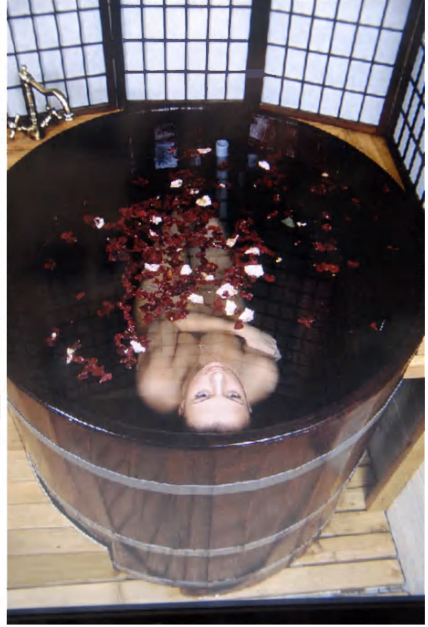
Александр Джус. Подружки. Лапта (внизу). Гор. Тутаев. 2008 г.

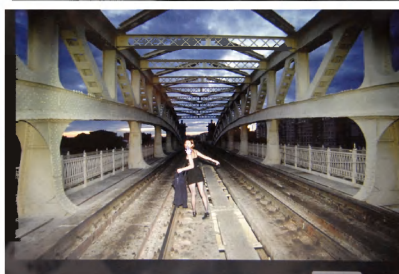

кремля, Соловецкие стены... Джус не часто отпускает снимок на волю прямо из фотоаппарата. Можно, если хочется, усилить цвета, можно, если требуется, подпустить туману, можно многое, если тебе известен фотографический арсенал – от фильтров до фотошопа. А он не только известен фотографу, но и всесторонне «ощупан». Джус, случается, «ломает» снимок так, чтоб он влез в какой-то из пришедших в голову «стилей».

Что такое стиль мастера? Это колея, в которую тот проваливается и бредет по ней, чувствуя себя в своей тарелке и комфортно. Старые фотохудожники работали в художественной (читай – живописной) манере. Карелин ли, Иванов-Аллилуев или Еремин – работы их в чем-то схожи, и в то же время мастера отличны друг от друга. Знатоки не спутают их манер. Конструктивисты и авангардисты 20-х годов, ломали «художественность», превращая свои композиции в «металлолом», привычное трансформировали, как бог черепаху, ракурсы – шапка валится с головы. Форма – бог. Остальное – уж как приложится. Лишь бы почуднее... Брессон – это самоценность момента, мгновения, взмаха ресниц. Его композиция так организуется вокруг этого момента, что ее поначалу и в расчет не берешь, а потом задумываешься, как же он это все упаковал ловко. Сколько голов – столько и умов! Я имею в виду – мастеров и стилей. Джус знает об этом великом множестве, и так ему хочется попробовать на вкус и сладкое и соленое. И скажу, ему все удастся.

Я упомянул – Джус много снимал «звезд». Ну, а кто их не снимал? Как не снимать, если 99% журналов забиты только гламуром? Кормиться же надо. Обычно, снимают звезд так. Наряжают в чужие шмотки, приводят в чужие стены – салон, бутик, ателье, просят улыбаться, чтоб видно было побольше красивых белых зубов (если не слишком белые, подбелим в фотошопе). Главнoс, чтоб эта звезда как можно больше походила на всех уже «напечатанных» - журналы делаются по строгим лекалам, и отходить от правил неположено. Ну вот и действуй так! Так и

Александр Джус. Дина Корзун (из очерка). 1997 г.

Александр Джус. Илзе Лиена. 2004 г.

Александр Джус. Нездешняя и Юлия (внизу), 2000-е г.

действуем. Мы. Но не Джус. Ему все надо наособицу. Ему надо звезду «индивидуализировать». Означает ли это, что ему непременно хочется определить характер этого человека? Не уверен. Вероятно, в голове у фотографа возникают некие образы – нечто вроде ролей, которые герой репортажа должен сыграть. Среди съемок актеров Джус выделяет съемку Дины Корзун. Актриса серьезно подошла к предложению о съемке. И после дня репетиций, киносъемок, театральных спектаклей она приходила на фотосессию предельно собранной, готовой выслушать просьбы фотографа, сыграть предложенную ей мизансцену так, как это представлялось ей возможным. Судя по обилию мест съемок – крыша, какой-то парапет, железнодорожный мост, улица, а также то, что почти все съемки объединяет «режим» – время сумерек, встреч и съемок было предостаточно. Каждый раз добывался кадр законченный, фотографически наполненный, но представляющий для меня все-таки загадку: это она, Дина, или же это фотопроба какой-то ее будущей роли? Я не могу преодолеть ощущения театральности (киношности) происходящего: роли есть, но раскрытию личности актрисы мне ничего не добавляют. Но может, именно это Джус и хотел показать: надрыв, «терзания», ощущение тревоги и драматизм. И не важно чей – актрисы или «роли». Меня бы устроил всего один кадр, как камертон он задал бы нужную тональность, это когда девчонка пританцовывает на мокром асфальте, а нем текучт облака... Хотя и это тоже только роль...

Наверное, не многие со мной согласятся, скажут, вкусовщина пишущего... Согласен, вкусовщина. Но на что же каждому из нас опираться, как не на свои ощущения, свой «вкус»?

Другая съемка, Илзе Лиспа. Балерина, драматическая актриса, наконец, красивая женщина, надсленная от природы яркой индивидуальностью. Вероятно, репортер снимал ее периодически, на протяжении значительного времени. И актриса, видя результат, охотно готовилась к следующей съемке, а это к одному-двум кадрам. Каждый раз новый костюм, новая обстановка, новый

Александр Джус. Михаил Шемякин и «Особый взгляд». 2003 г.

замысел. Илзе, как и Дина, тоже играет... Когда-то я писал в «Советском фото», разбирая съемку видного в то время репортера об одной певичке. Материал был огромный – целая выставка, посвященная ей одной. Было много выдумки, были яркие, запоминающиеся кадры. Были кадры, сделанные под «правду жизни». А вот самой правды, где актриса не играла на камеру, было два, от силы три. Автор естественно на меня обиделся. «Я снимал десять лет, а ты...» Дальше писк, как в телевизоре при нехороших словах. А мне хотелось видеть моменты, когда звезда забывала о фотографе, и наружу выходило что-то ее личное, настоящее... Такие снимки и тебе несут некое откровение, открытие. Ибо: человек становится самим собой, а не плодом нашей выдумки (вспомните упоминаемую вышек камеру на колесиках). А может, я снова вас дурю, навязывая свои неясные сомнения и желания? Ставил ли фотограф такую цель? Искал ли он того, чего мне почему-то нехватало? Он добивался красоты и совершенства кадров. И снимки изящны и отточены. В одном очерке о человеке им, пожалуй, будет тесно. И по стилю разбегаются. Но кто сказал, что такое не должно существовать? Есть и другой ряд портретов, не выстроенных, а «схваченных» – таких, как портрет Шемякина или снимок задремавшего бомжа. И в них своя прелесть – прелесть момента... Так что же лучше, чему отдать предпочтение? А ничему, как бы говорит Джус, и то, и другое меня увлекает, и в то и другое я хочу занырнуть с головой...

Тут в одной книге я выудил понравившуюся мне мысль. Завтра мы будем сомневаться в правоте того, что утверждали сегодня, а послезавтра отрицать то, что утверждали вчера. И так до бесконечности. И означает это, будто бы, лишь то, что человек думает. А думать – самое большое счастье на земле... Выходит, делаю я вывод, думать – это постоянно сомневаться, находить и отрицать найденное, улучшать, придавать иные формы, заниматься чуть-чуть самосдетством.

Джус, выходит, счастливый человек. Он много думает. А поиски его и вовсе не прекращаются. Он знает много. О чем его не

Александр Джус. Вот она – жизнь! 2001 г.

Александр Джус. Город Мышкин и его «мышата», 1997 г.

спроси, касается ли это техники фотосъемки – современной или уже отжившей - справку получишь всегда. Я не помню случая, чтоб он сказал – не в курсе, не знаю. Он «в тем», если хочешь узнать о соотношении цена-качество в полиграфии. О новинках в кино, технических прежде всего. О фотографах, их стилях, особенностях, именах прошлого (что не сложно), но и настоящего говорить даже не стоит, как о само собой разумеющемся. И все это лишь одна сторона его интересов, та, что примыкает к фотографии. «Первое, о чем Саша начинает говорить, проснувшись утром – это о фотографии, - улыбается Вера, супруга. – Что он видел во сне, какие новые идеи родились, начинает строить планы. Если, не дай бог, у него не намечается съемок на ближайшие дни, он начинает впадать в хандру... Он фантазер».

Приступив к заинтересовавшей его теме, той же Средней Азии, он начинает «разматывать» Великий шелковый путь. Снимая Курилы ли, Валдай или совсем мало посещаемые, а потому не ассоциирующиеся ни с чем в памяти места, вместе с Верой они погружаются в чтение и выведывают все «подноготную». Смотрю на снимок, читаю подпись: «Васюганье». Память начинает подсказывать, как еще в детстве слышал об этом «болотистом крае на западе Сибири» - бескрайнему пространству хлябей, где «ни пешему, ни конному»... Пейзаж с этим точным адресом, теперь уже кроме эстетического начала несет и информационное. И это, кажется, не менее важно для Саши, чем привлекательность самой картинки. Дотошность и серьезность – качества не каждого репортера. Но ведь не каждый из нас и книголюб...

- Саша не читает плохих книг, - произносит Вера (всроятно, имеется в виду бесполезных - легкая беллетристика – детективы, «дамские романы»). - На его столике можно увидеть и томик Монтеня...»

Не стоит строить мостик между Монтенем и фотографией. Я не верю часто даваемым «бесплатным советам»: будешь слушать музыку, будешь увлекаться поэзией, и тогда... Да ничего тогда не

Александр Джус → Второй альбом про Россию → Ростов Великий 3

произойдет. Все дело в личности. А из каких кирпичиков она складывается – спросите у Бога.

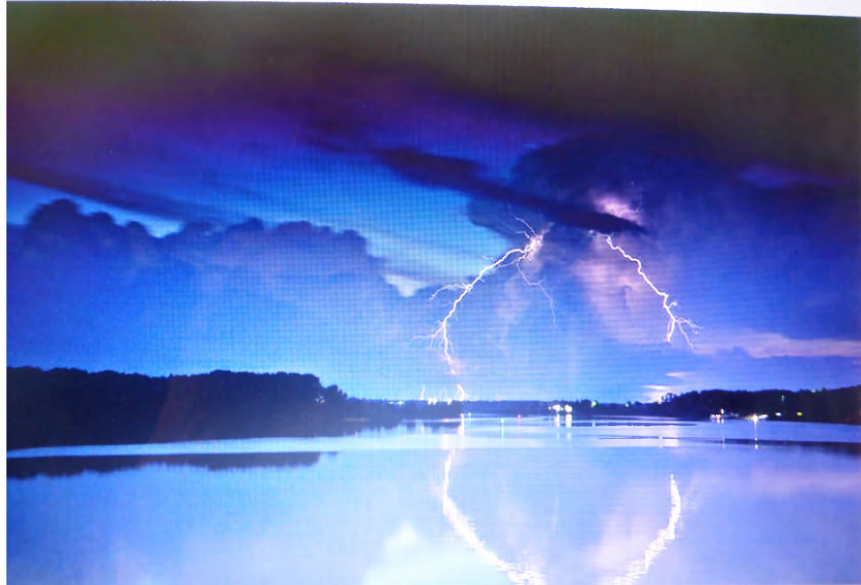
Вернемся к Джусу, к фотографии. Она у него обильна и разнообразна не только по тематике, по географии, по интересам и увлечениям, но по разнообразию приемов, стилей, работой над изображением и с самим изображением, что в ней можно найти все, что было и до и после «великой технической революции». А разве это плохо? Однако, трудно объять необъятное. «Ненасытность» Джуса в том, что он стремится все перепробовать, все постичь, все довести до возможного совершенства. Его «воздушные» кадры – авиация - та же игра и праздник цвета (хотя здесь цвет по его значимости для снимка может стоять на ...надцатом месте).

Джус ни от чего не отказывается. Два кадра совместить, пять – пожалуйста. Смазать изображение тем или иным способом: вспышка плюс длительная выдержка или просто большая выдержка на движении камеры или объекта, «дернуть» трансфокатором, - все не вопрос. Ловить забавные тени, снимать сквозь «плачущие» стекла или просто в лоб, без затей – и это ко двору. И каждый прием приносит свои плоды. Но особое удовлетворение и удивление, знает каждый снимающий, приносит снимок, в котором если и была выдумка, то растворяется. И ты воспринимаешь происходящее на снимке просто как кусок жизни, но той жизни, которой ты не способен был сымитировать ни тогда, ни потом. И эти снимки ложатся камешком в стены того фотографического дома, который ты непроизвольно выстраиваешь сам для себя.

Вот мальчишки играют в лапу. Теперь и название игры, не только саму игру мало кто помнит. Серия кадров – и все хороши. Туман, сырая дымка придают снимку ощущение сна, а может, воспоминания из детства... Пластика снимка, атмосфера – все и реально, и нереально. Мог тут автор наврать, все подстроить? А то! Так ведь сказка: все вранье – и все правда. Как говориться – совпало. А вот девочки на сене. Никаких затей, снимок «на память». И опять совпало! А начни перегружать его, ловчить, химичить, что-то трансформировать – «улучшать», не полетел бы снимок в

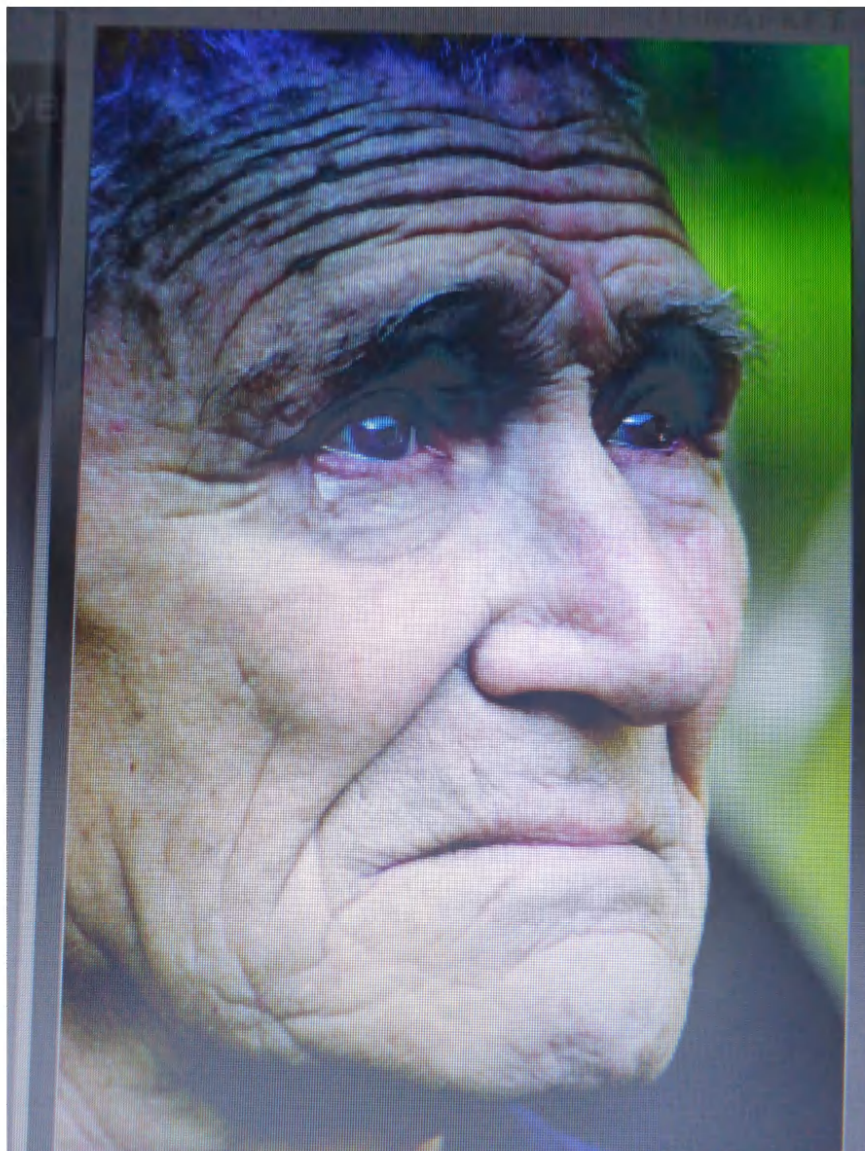
Спутник Джус → Россия с земли и "птичьего" полета → Стрелы Зевса

тартарары? Хитрая штука удача в фотографии. Как говорил Тункель – «все на чуть-чуть». Чуть влево, чуть вправо – и уже не то...

Конечно, не стоит забывать о паре «снимок – зритель». Это струна и дека. Струна колебнулась, а дека откликнулась всей глубиной, многозвучием... А если не откликнулась, кто виноват? Струна? Дека? Наверное, оба. Но первая все-таки струна: не попала в возможности резонатора, фотограф перегнул или недогнул палку. Есть сюжеты «самоигральные». Вот дед, монах судя по одежде, выкашивает дужок. В любом случае снимок привлечет внимание. Но не в любом создаст то настроение, когда захочется подумать, дорисовать картину, вздохнуть, может, усладиться покоем и тишиной довольно глубоких сумерек, может, мысленно побеседовать с дедом, задать ему вопросы... Общение с предметом творчества всегда диалог. Что ты хочешь мне поведать? – Подумай, догадайся сам. Книга ли это, спектакль, снимок, кинофильм – они прячут свою главную мысль. Ну, пусть не «прячут», а не декларируют ее. Но и не сильно скрывают. Однако, отыскать ее непременно должен ты сам. Нашел влажное место в сухом лого, отодвинул ветки, да нападавшие сучки и листья – вот и вода блеснула, разрыл ямку, а там тоненька светлая жилка бьется. И это ты ее раскрыл! Вот тогда предмет творчества превращается в произведение искусства. И может даже колыхнется вопрос: да как же ты жил до этого, не видя и не чувствуя того, что сейчас вдруг захватило тебя, значительно качнув устоявшийся мир представлений... Не стоит обольщаться, откровения и открытия и в высоком-то искусстве не часты, что уж говорить о фотографии. Но бывает, и маленькая снежинка вызывает лавину...

Так что, этого не знает Джус? Не только знает, но боюсь и страдает от этого. Страдает, а почему не всегда под грудой лесного мусора открывается родник? Опять, это только мои догадки. Джус интеллигент и самоед. Будучи интеллигентным, самоедство свое скрывает. Ни на что не жалуется. От него, если не спросить, вообще мало чего услышишь. Рассказывает сбивчиво, как человек, не привыкший о себе говорить. О деле, по конкретному вопросу –

Александр Джус. Память. 2002 г.

Александр Джус. Монах Антоний, Псково-Печерский монастырь. 1996 г.

пожалуйста, и толково. О себе – чуть не клещами тяни. И ведь не потому, что скрывает что-то, а... ну, не знаю как объяснить. Джус на взгляд со стороны – мягкий и неконфликтный человек. Особо это чувствуют женщины: интеллигентность и предупредительность у них ценятся особо. Мужики на подобные качества смотрят чуть-чуть искоса: что-то он уж больно ровен! А не полыхает ли адов костер внутри?..

А ведь если не костер, то уголья-то, наверняка, тлеют. Угли даже не сомнений, а убежденности: сделал мало, сделал не то, а теперь уж, верно, и не успеть... Да и кому все это надо... Волнует и судьба сделанного – архива. Сколько Джус наснимал за свою жизнь, боюсь, он и сам не скажет. Если мерить в одной только пленке – наверняка, десятки километров. Коробки с пленкой громоздятся, отнимая жизненное пространство. «Однажды мы с Сашей засели за разборку его архива, чтоб хоть сколько-то места высвободить. Брала пленку и резали ее вдоль ножницами. И куски ее, извиваясь, как змеи, ложились на пол. Ты знаешь, как это страшно! Это же уползала твоя жизнь, дело, все чем ты жил... Мы не сразу опомнились, что же мы делаем...» - я слушаю голос Веры, и ежусь от описанной картины. Счастье, думаю, что сам я снимал мало. А все, что снимал, сохранилось по большей части с первых детских съемок. И до сих пор руки не поднимаются, чтоб сжечь даже самую отъявленную дрянь...

Жизнь – это игра. А в игре нельзя все сразу ставить на один номер. Даже если этот номер – любимая тобой профессия. Иначе... «Ну, что ж – так уж сложилось, как сложилось. Не знаю. Впрочем, может, я и не права...»

...За моим окном гудит самолет. Где-то там далеко, среди облаков возникает вытянутая крапинка. Джус на дальний гул не обращает внимания. И вдруг я слышу:

- Самос большое счастье, которое я испытал, было в Кубинке, в одном из первых полетов. Земля в молодой зелени, яркое небо с облаками, и ты летишь! - Саша распахивает руки, переживая ощущения того полета: - А-ах!...

P.S.

1987. Над полюсом.
С любимой камерой
«Тойя» (9x12).
Подмосковье.
Ростов Великий, озеро
Неро. С бородой – 88 г.

